

«Скоро» закончилось тридцатью минутами, плюс еще десять в экзаменационной комнате. Комната была едва ли больше, чем шкаф со столом для экзаменов, креслом клинициста и стулом пациента, но, по крайней мере, она предлагала уединение. Санитар взял свой рост и вес - 5 футов 6 дюймов на носу в носках и 114 фунтов с одеждой, но без обуви - и потратил пять минут, пытаясь получить кровяное давление Верна, прежде чем Верн подумал сосредоточиться на звуке крови человека, представляя ее богатой, красной и насыщенной кислородом в его артериях, и это привело к тому, что его сердечный ритм вырос настолько, чтобы человек мог, наконец, нацарапать кровяное давление: 85/45 с заметным вопросительным знаком рядом с ним.

Он мог слышать дискуссию в коридоре, когда дежурный врач решил, что расплывчатая ссылка Верна на болезнь, передающуюся через кровь, требует его внимания и обмена заданиями с RN. В комнату вошел он - высокий, темноволосый мужчина примерно в возрасте отца Верна. Учитывая нынешний размер Верна, шесть с половиной футов мужчины казались абсолютно огромными. Будучи взрослым, он никогда не видел кого-то, кто был бы пропорционально большим по сравнению с ним.

— Здравствуйте, — неуверенно сказал Верн, его голос внезапно ослаб и дрогнул.

— Мисс Верн? Он тепло улыбнулся и жестом направился к табуретке. «Я доктор Надь. Ум говорит мне, в чем, по-видимому, проблема?»

«Я надеялся, что вы можете сказать мне. В последнее время я сильно похудела, рухнула перед церковью на днях, и я бледна как черт. Если бы я не знал ничего лучше, я бы подумал, что превращаюсь в вампира».

Он оценил реакцию врача: нервный смех. Он вернулся к истории болезни Верна. «Во время вашего последнего визита вы были... 162... и даже шесть футов. Ты не шесть футов ростом».

«Я нет», — согласился Верн. «Вы когда-нибудь заставляли людей испытывать глубокие изменения всего тела?»

Доктор явно не покупался на намеки на то, что Верн бросается на него, и Верн не собирался делать это явным, чтобы ему не поставили диагноз психического заболевания. Вместо того, чтобы настаивать на своей удаче, он обратился к анемии, в конечном итоге описав симптомы достаточно хорошо, чтобы врач пропустил маленькую икоту в начале их разговора. Доктор Надь набросал несколько заметок, а затем заставил Верна взглянуть на свет. Реакция Верна была немедленной и глубокой: большой вздрагивание и шипение, которое ему едва удалось подавить. Он отдышался и застенчиво улыбнулся.

"Извините..."

«Светобоязнь», — сказал доктор Надь. «Вас в последнее время кусали какие-нибудь животные? Какая-либо путаница, раздражительность, судороги или тремор?»

"Хм... нет, никаких укусов животных», — сказал Верн. Что касается других симптомов... Да, все, в какой-то степени. Но он был почти уверен, что у него нет вампиризма и бешенства.

"Хм. А как насчет внезапных ударов по голове? Ты сказал, что упал».

«Я так не думаю». Он постукивал по голове костяшками пальцев. «Без стука. И, хм... На днях у меня было очень расстройство желудка с большой черной дефекацией, и это было примерно в то время, когда начались другие симптомы».

— А с тех пор?

Верн пожал плечами. «Ничего. Но я очень бледная и у меня проблемы со сном... и у меня была странная тяга к еде».

«Я вижу. Ну, я собираюсь заказать скрининг желудочно-кишечного тракта и неврологический скрининг... он должен быть покрыт вашей страховкой. Я собираюсь почувствовать ваш живот и нижнюю часть груди для внутреннего кровотечения, хорошо? Мне нужно, чтобы ты снял свитер и джинсы... трусы в порядке. Это нормально?»

«Хорошо», — сказал Верн.

Он мог сказать, что близок к тому, чтобы получить заказ на кровь - все, что ему нужно было сделать, это убедить врача, что у него анемия. Он сделал бы все ради крови... давление медленно нарастало в его щеках. Он сразу же снял свитер, обнажив свою фарфорово-гладкую кожу и грудь... он думал, что должен чувствовать себя неловко, но на самом деле ему было все равно. Его также не волновало, что через мгновение его посадили на экзаменационный стул в носках матери и слегка распушенных трусах. Доктор Надь был клиническим и профессиональным, и, если он украл какие-либо похотливые проблески Верна, он не мог сказать и не заботился. Все, о чем он заботился, была кровь. Во всяком случае, это не было похоже на его тело. И не было ощущения, что у него было какое-либо внутреннее кровотечение.

«Я не чувствую ничего необычного, но я не могу исключить кровотечение gī. Вы знаете свою группу крови?»

«AB положительный», — быстро сказал Верн.

«Хорошо. Это хорошо. Я собираюсь заказать одно устройство, плюс сканирование желудочно-кишечного тракта для проверки кровотечения, плюс некоторые добавки железа. Мы починим тебя, мисс Верн, хорошо?»

"Спасибо, док."

К счастью, клиника EPU находилась прямо по улице от больницы скорой помощи Лонгстрит и имела доступ к своим объектам флеботомии. Тридцать минут спустя и быстрая поездка вверх по дороге, и Верн сидел со своей матерью в центре флеботомии с пинтой крови AB+. Он жадно смотрел на темно-красный пакет, когда медсестра копалась вокруг, пытаясь найти вену. Это болело намного меньше, чем обычно, когда они не могли найти вену (с которой, имея смертельное хроническое заболевание, Верн имел некоторый опыт). Там, где все его другие чувства были усилены, ощущение боли было глубоко приглушено — игла обеспечивала небольшие вспышки дискомфорта, которые ослабевали сразу после того, как Верн зарегистрировал их.

«Сожмите мою руку, намного сильнее», — сказал Верн, указывая на маленькую манжету давления. «Поверьте мне.

В конце концов, медсестра нашла крошечный шлейф черной крови и, полагая, что это так же хорошо, как она собиралась получить, подключила Верна к капле крови. Затем, как только она ушла со своим вниманием на другого пациента, Верн вынул капельницу из его руки, укусил в стаю своими острыми клыками и начал вырывать прямо из нее. Это было потрясающе. Лучше, чем все, что он когда-либо пробовал, насыщенный, теплый и вибрирующий во всех его чувствах. Низкий стон, который он издавал, был очень похож на тот, который делала Лиза,

когда он делал очень хорошую работу в постели. Его мать, сидя рядом с ним, быстро заменила свое обеспокоенное выражение лица на выражение ужасающего отвращения.

«Можете ли вы... не сделай этого?» — спросила она, смутно жестикулируя на Верна.

— Нет, — сказал Верн. Это вышло как полурычание. Кровь была хорошая. Было тепло. Когда поток замедлился, он сжал мешок, выкачивая столько, сколько мог, прежде чем, наконец, разорвать мешок и облизать каждый последний след. Затем он откинулся на спинку кресла, полузакрывшись глазами, и отрыгнул. «Лучший. Еда. Никогда», — пробормотал он.

— Ты что, сумасшедший? Эшли зашипела. «Слава Богу, тебя никто не видел».

Она не понимала, насколько он в этом нуждался. Как она могла? Когда она спросила Верна ранее, безопасно ли ему находиться рядом, он ответил утвердительно. Но, учитывая еще день или два постепенно усиливающейся тяги? Он мог осушить кого угодно, даже свою мать. Было приятно знать, что пинты этого материала было достаточно, чтобы удовлетворить его, даже когда у него было серьезное желание - ему не пришлось бы сливать кого-либо насухо, чтобы прокормить себя, поскольку у среднего человека было десять или одиннадцать пинт крови. Но даже глоток человеческой крови АВ+ был настолько монументально превосходящим несколько унций крови оленя, которые он собрал из морозильной камеры раньше, что он знал, что пути назад нет. Как бы часто ему ни нужно было питаться, это должно было быть на человеческой крови, пинте за раз.

«Мы, вероятно, должны уйти», — сказал Верн. Он засунул разрушенный мешок с кровью в мусорное ведро, когда они уходили, его мать бежала, чтобы не отставать, и ворчала, что они даже не сделали сканирование желудочно-кишечного тракта.

+++++

Мать Верна была раздражена им, но ее гнев был во многом желанным возвращением к нормальной жизни. Она была раздражена тем, что он чуть не устроил сцену в центре флеботомии, и раздражена тем, что он не пытался больше спросить о лекарстве от своего вампиризма. Однако из его оценки реакции доктора Надя он был практически уверен, что доктор не имел ни малейшего понятия о том, что вампиры реальны. Он мог слышать сердцебиение мужчины, мог воспринимать все маленькие подергивания и дрожание мышц врача, и там не было никакого намека на признание или обман.

Было абсурдно, насколько чувствительны чувства Верна — если он сосредоточился, он мог слышать звуки своих густых ресниц, трепещущих воздухом, когда он моргал, мог слышать, как его кости скользят друг о друга, когда он двигался, мог чувствовать запах меха Зика на ковре — старый волкодав его родителей, и он был мертв в течение двух лет, мог видеть маленькие пылинки, дрейфующие в тени так же уверенно, как если бы они были освещены поздно. послеобеденные солнечные лучи. Мог слышать скрип стула в столовой, когда его отец сидел в нем - от крошечной трещины разрывающихся древесных волокон Верн догадался, что стул находится максимум в месяце от того, чтобы рухнуть под весом жильца и заставить кого-то выглядеть очень толстым или глупым.

«Где Верн? Я думал, что он все еще здесь?» — сказал Вик Вера.

«Я думаю, что он пошел домой», — сказала Эшли. Через дверь и весь нижний этаж Верн не могла слышать ее сердцебиение, чтобы знать, чувствует ли она приступ тревоги от лжи. «Он чувствует себя намного лучше».

«Хорошо. Это хорошо», — сказал Вик. «Я хотел напомнить ему о том, чтобы получить эти деньги в церковь. Я не думаю, что он это сделал, и я не хочу, чтобы это стало тем, что он думает, что может просто облегчить мой ум некоторыми словами, а затем уклониться от своей десятины за моей спиной. Не думайте, что я не спрошу об этом пастора Муни».

«У Верна сейчас много на уме...»

«У всех нас много мыслей».

«Я знаю это, Вик. Разве ты не думаешь, что я знаю это? Справедливый... ну, я знаю, что у него выходной в четверг. Я уверен, что к тому времени он почувствует себя лучше. Почему бы вам не поговорить с ним в четверг, от отца к сыну, лицом к лицу? Проясните отношения между вами двумя о десятине и церкви и... что-нибудь еще».

«И, может быть, заставить его приехать на охоту в наше братство, если ему так чертовски нравится эта колбаса», — усмехнулся Вик. «Мне повезло, что я вышла замуж».

«Ты прав, ты прав».

Дерьмо. Это дало Верну три дня, чтобы разобраться. Его варианты были следующими:

Отложите на неопределенный срок и никогда больше не разговаривайте и не видите своего отца.

Исправьте его проблему «быть девочкой-вампиром» и вернитесь к тому, чтобы быть старым мальчиком-человеком Верном к четвергу днем.

Заставьте своего отца быть в порядке с ситуацией бытия-девочки-вампира.

Из этих плохих вариантов Верн не знал, какой из них был худшим. Правда, его мать справилась с ситуацией обмена полами вампиров с восхитительным апломбом, но Вик Вера был совершенно другим зверем. Какой бы религиозной ни была его мать, она не была безнадежно жестким мыслителем. Вик, однако, был настроен на то, что он покупал ту же обувь в том же цвете с точно такими же шнурками еще до рождения Верна. Верн написал своей матери, чтобы сообщить ей, что он уходит.

В: <Вернувшись к себе на некоторое время, он написал ей.

В: <я делаю несколько смен одежды.

Перевод: он брал часть ее одежды, которую, как он думал, она ужасно пропустит.

Верн щедро нанес SPF-50 на всю свою обнаженную кожу и надел бейсболку Braves, протягивая волосы через спину в хвосте. Это был насыщенный, глянцевый шоколадный цвет с каштановыми бликами, высокий хвост покачивался прямо за плечами. Затем он надел солнцезащитные очки, спустился по лестнице и пробрался сзади. Он думал, что это будет тревожно, но он мог слышать каждое движение, которое делал его отец. Он даже мог сказать, с какой стороны он столкнулся, основываясь на небольших трещинах, которые сделала его шея. И, в то время как Верн мог слышать каждый скрип и шаг, который он делал, каждый из них был не громче, чем нежные постукивания кончиками пальцев его матери о кухонный стол в соседней комнате. Он закрыл дверь и вытащил свой телефон.

В: <Гектор, буд. Я собираюсь быть дома через некоторое время, если вы там.

Предостережение: Я выгляжу по-другому. Действительно разные.

<http://tl.rulate.ru/book/67833/1801866>